

Арсен Мирзаев

Геннадий Айги, Андрей Волконский и поэзия Северного Кавказа

Arsen Mirzaev

Gennady Aygi, Andrei Volkonsky and Poetry of the North Caucasus

Арсен Мирзаев (независимый исследователь) arsemir@yandex.ru.

Arsen Mirzaev (Independent Researcher) arsemir@yandex.ru.

Ключевые слова: Геннадий Айги, Андрей Волконский, Дагестан, дагестанские аулы, поэты Северного Кавказа, путешествия

Key words: Gennady Aygi, Andrei Volkonsky, Dagestan, Dagestan auls, poets of the North Caucasus, travel

УДК: 82.1

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_272

UDC: 82.1

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_272

Интерес Геннадия Айги к Востоку, мусульманской культуре и религии, кавказской литературе был связан не только с его увлечением поэзией вообще, но и с активной переводческой деятельностью. Он переводил отдельные сочинения поэтов из разных стран; составил несколько антологий, в которых сам участвовал как переводчик: «Поэты Франции», «Поэты Польши», «Поэты Венгрии». Его увлечение Северным Кавказом, поэтикой, природой, суровой и прекрасной жизнью горцев разделял близкий друг Айги — музыкант и композитор Андрей Волконский, оказавший на поэта большое влияние. В 1962—1972 годах они вместе неоднократно путешествовали в «страну гор и холмов».

Gennady Aygi's interest in the Orient, Muslim culture and religion, Caucasian literature was connected not only with his passion for poetry in general, but also with his translation activity. He translated some poetic compositions by authors from different countries; compiled several anthologies in which he himself participated as a translator: "Poets of France", "Poets of Poland", "Poets of Hungary". His fascination with the North Caucasus, poetics, nature, the harsh and wonderful life of the highlanders was shared by Aygi's close friend, musician and composer Andrei Volkonsky, who had a great influence on the poet. In 1962—1972, together they repeatedly traveled to the "country of mountains and hills".

Интерес Айги к Востоку, мусульманской культуре и религии, кавказской литературе и поэзии, как свидетельствует Атнер Хузангай, арабист и литературовед, близкий друг Айги, сын народного поэта Педера (Петра Петровича) Хузангая (1907—1970), особенно проявился в тот период, когда Геннадий Николаевич начал активно заниматься переводческой деятельностью¹. Атнер Петрович рассказывал, что в то время дело едва не дошло до составления антологии арабской поэзии. Но этому замыслу по разным причинам не суждено было осуществиться.

Поэзией народов Дагестана Геннадий Айги начал заниматься, по всей видимости, в начале — середине 1960-х годов. В это время появляется цикл его стихотворений (1965—1969) на чувашском языке «ДАГЕСТАН, СЃРТ-ТУ ЫЃЁ» [Айхи 2008: 174—181], в который включены стихи, посвященные горским

1 В 1968 году в Чувашии вышла антология «Франци поэчĕсем» («Поэты Франции: стихотворения 77 поэтов XV—XX веков») в переводе Айги на чувашский; в 1974-м Чувашское книжное издательство выпустило подготовленную им антологию «Венгри поэчĕсем» («Поэты Венгрии XV—XX веков») на чувашском языке; наконец, в 1987-м, после долгого ожидания, увидела свет и антология «Польша поэчĕсем» («Поэты Польши XV—XX веков»), тоже на чувашском, составитель Г.Н. Айги.

аулам Гуниб, Хунзах, Кубачи, Кахиб и др., а также переложения поэтических текстов особо любимых им поэтов — даргинца Омарла (то есть сына Омара) Батырая (1820—1902), которого в Дагестане называют «отцом даргинской поэзии», и Махмуда из Кахаб-Росо (1873—1919), крупнейшего аварского поэта, автора знаменитой поэмы «Мариам»².

Что же касается «русских дагестанских» стихов Айги, то они появляются тоже в середине 1960-х. Приведем первый из известных нам текстов. Посвящается он двум аулам, названия которых более-менее на слуху, поскольку связаны с именем и деяниями легендарного имама Шамиля:

ИЗ ГУНИБА НА АХУЛЬГО

(Возвращаясь к дагестанским записям)

1. Гуниб

свет
где Россия серебряной горстью
был — отсюда разорван:
тайною раной в Нерли-Излучении
есть
газават

2. В о с п о м и н а н и е

Нам тільки с а к л я очі коле:
Чого вона стоїть у вас.
(Тарас Шевченко, «Кавказ», 1845)

3. А х у л ь г о

темнеем сами («тут и там»)
в Молчании сверх-твердом
и камни гор опять слова страны
и вновь людопобьями-камнями
как из Духа

1964—1996

[Айги 1998: 1]³.

-
- 2 Имя Батырая носит одна из улиц Махачкалы; бюсты поэта установлены в городе Избербаш, где в 1961 году был открыт Государственный даргинский театр имени О. Батырая, и в селении Сергокала — перед зданием лицея, названного в его честь. Стихи Батырая Айги часто цитировал в переводе Эффенди Капиева на русский; особенно он любил вот это стихотворение: «Телеграфный столб в пути — / Гордо поднятый твой стан. / Ослепительны глаза, / Как фарфоровый стакан, / Брови, точно в два ряда / Вдоль стаканов провода» (цит. по: Поэзия народов Дагестана. Антология: В 2 т. Т. 1. С. 298. М.: Гослитиздат, 1960. С. 298). А Махмуду он посвятил стихотворение под названием «Кахаб-Росо: могила Махмуда» (1970). «Мариам» на русском языке Айги читал в переводе Семена Липкина (Там же. С. 273) либо в переводе того же Э. Капиева. Поэт Николай Тихонов сравнил творчество Махмуда в аварской литературе с творчеством Пушкина и назвал его «кавказским Блоком».
- 3 Цитата приводится по парижскому изданию Н. Дронникова, поскольку ни в собраниях сочинений, ни в других изданиях Айги это стихотворение нам найти не удалось.

В стихотворении Геннадия Айги использована *инверсированная ретроспекция*: события даны в иной временной последовательности — «обратное течение времени». В 1839 году укрепление на горе и два аула на ее вершине (Новое и Старое Ахульго; название селения на русский язык можно перевести как «Набатная гора») стали надежным укрытием и настоящей крепостью для предводителя горцев имама Шамиля и его верных мюридов. В течение двух месяцев они отбивали ожесточенные атаки русских войск. И хотя силы были неравны и исход сражения, казалось, предрешен, но Шамилю удалось в конце концов с небольшой группой соратников прорваться сквозь ряды осаждающих и уйти в Чечню. Битва при Ахульго, в которой, кстати, принимал участие и будущий убийца Лермонтова поручик Николай Мартынов, получила отражение в искусстве и литературе⁴. Спустя двадцать лет в высокогорном ауле Гуниб, где поселился Шамиль с семьей, он со своими приверженцами (надо сказать, среди них были и русские солдаты — перебежчики) снова был осажден русскими войсками во главе с главнокомандующим Кавказской армии генерал-адъютантом князем Александром Ивановичем Барятинским. В результате длительной осады Шамиля, как известно, вынудили сдаться на милость победителя, и он «был подвергнут почетному пленению»⁵.

Еще семь стихотворений, так или иначе связанных с Дагестаном, включены самим автором в его знаменитую книгу «Отмеченная зима»: «Гимры» (1965), «Знамена Гази-Магомеда» (1965), «В горах Аддала́-Шухгельмеэр»⁶ (1966), «Белый шиповник в горах» (1969), «Розы на Вацлавской площади (Памяти Яна Палаха)»⁷ (1969), «Кахаб-Росо: могила Махмуда» (1970), «Сон: горы — все дальше от Кахиба»⁸ (1978).

Вот одно из них:

РОЗЫ НА ВАЦЛАВСКОЙ ПЛОЩАДИ

Памяти Яна Палаха

и белые-по-дагестански
знамена-розы вы неисчислимы:

все время в ряд о в ряд по всей стране!

-
- 4 Стоит упомянуть хотя бы панораму «Штурм аула Ахульго», созданную в 1880—1890 годах в Мюнхене художником Францем Рубо, и роман под названием «Ахульго» (Махачкала: Эпоха, 2008) Шапи Казиева, автора монографии, посвященной Шамилю.
  - 5 Событиям, предшествовавшим сражению, самой битве и дальнейшим событиям, связанным с Шамилем, посвящено столько воспоминаний, художественных произведений, картин и т.д., что их перечисление заняло бы слишком много места.
  - 6 Аддала́-Шухгельмеэр — одна из самых высоких гор Дагестана (третья по высоте: достигает 4151 метров над уровнем моря). Местные жители называют ее Каббала. Стихотворение предваряет эпиграф из «Утеса» М.Ю. Лермонтова («Ночевала тучка золотая...»).
  - 7 Райнер Грюбель, известный немецкий славист, предложил оригинальную интерпретацию этого стихотворения. Исследователь берет за основу знаменитую элегию М. Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), перебрасывая к ней, а точнее, к заключительной строфе элегии («И снилась ей долина Дагестана; / Знакомый труп лежал в долине той; / В его груди дымясь чернела рана, / И кровь лилась хладающей струей»), ниточку от «Розы-Сна» из последней строки текста Айги: «я Роза-Сон: я на твоей груди» [Грюбель 1998: 44].
  - 8 Кахиб — крупный дагестанский аул (село) в Шамильском районе.

вы розы-головы: сиянием отверзты!
и кровоточите: «я Роза-Прага!..»

«я Роза-Сон: я на твоей груди»

25 января 1969

[Айги 1982: 518].

Стихотворение посвящено Яну Палаху (чеш. Jan Palach; 1948—1969), 16 января 1969 года совершившему самоожжение на Вацлавской площади в Праге в знак протеста против оккупации Чехословакии войсками Советского Союза и других стран Варшавского договора. Славист Райнер Грюбель в своей статье «Молчание о листопаде — новый псалом. Несколько слов об аксиологии литературы и о поэзии Айги» приводит это стихотворение и дает интересный анализ текста Айги, в котором присутствуют одновременно и «белые — по-дагестански знамена-розы», и «Роза-Прага», и «Роза-Сон». «Розы», «белое», «белизна» всегда связываются у поэта, во многих его текстах, и в прозе, в стихах, с «чистотой» и «сиянием», а также со «сном» [Грюбель 1998: 42—46]. Интересно сопоставить то, что пишет Р. Грюбель, с текстом другого стихотворения, также включенного автором в «Отмеченную зиму», где все перечисленное выше присутствует в «высокогорном» сне Мухаммада-Магомеда в наиболее выкристаллизовавшемся, дистиллированном, очищенном горными ветрами виде:

БЕЛЫЙ ШИПОВНИК В ГОРАХ

кто озвучивал белое?
флейтой какую?
кого проявляешь — сияя?.. —

..... —

ты — с о н м у х а м м а д а ... — а было начало его —
как детей той страны что душою давно
уже избрана трепет духовный!.. — детей:

Белокостных:

Опор — на равнинах!.. — и словно пронизанных
гласными — полости солнца подобными! —

и — длится он явно:

с о н м у х а м м а д а !.. —

есть он — в горах! — пребывает в горах
продолженьем его

и его глубиною:

белого — в высшем накале — с а м а Белизна! —

не до-увидеть — не только глазами:

но и души чистотою:

пламенем высшим — уже и не жгущим —
ее отрешенности...

1969

[Айги 1982: 174].

Обращает на себя внимание — в этих и других «дагестанских» текстах — акцентирование Геннадием Айги особого качества белизны (и Белизны), белого цвета: розы — Ср. «белые-по-дагестански». А «знамена-розы» напоминают о его стихотворении «Образ — в праздник. В день 100-летия К.С. Малевича»:

со знанием *белого*

вдали человек
по *белому* снегу
будто с невидимым *знаменем*

26 февраля 1978

[Там же: 479] (Курсив мой. — А.М.).

Особая семантика белого (в связи со «знаменами») отчетливо проявлена в еще одном «дагестанском» стихотворении Айги, посвященном легендарному имаму Гази-Магомеду⁹:

ЗНАМЕНА ГАЗИ-МАГОМЕДА

где
скоро-вещи-белокурия
для в-воздухе-шарами-девичье
как будто в щелку освещались
из тела-только-мысли-звезд

где вещи для готовли белокурия
для пряжи-в-воздухе-знамен
тогда еще как связки были
мощей из тела бог-белеет-вьюгой:

они как тени этой вьюги:
для Скоро-где-нибудь-святые
белея им сердцами стать

1965

[Там же: 112].

---

9 Гази-Мухаммад (1795—1832; Гази-Магомед, Кази-Мулла, Газимухаммад) — первый имам Дагестана и Чечни; аварец; мусульманский ученый и богослов, предводитель кавказских горцев в борьбе против Российской империи.

С этим текстом внутренне связано стихотворение «Гимры»¹⁰, в котором присутствует и «белокостная» *наша белизна* и появляется отчетливая оппозиция — *красное/алое* и *белое/белизна* [мела]:

как в травах снится:
будто сам
жужжишь и плачешь и алеешь! —

среди пустынного собора
из мела и его тумана
едины так же крики птиц:

и духа зримой распыленностью
над головою вознесенная
из кости
наша белизна! —

и свет:
навылет сообщающийся! —
как будто там где разлучают
идею ран от их теней:

и словно с пальцев начиная
растертый сильно по рукам! —

и страсть которую на солнце
деревьям не отдашь!.. —

----- —

и смесь: почти алеющего зрения
и мест не видящих его:

и пара на скале от крови высыхающей:

плетни расцветивает: царапают как перья!
тревожащих расцветивая вспять

и словно то что тянет нас
нам кожу жарко опалая
в пустоты и проемы те
чьи стенки из людей —

нам виден он по цвету в нас
и видим словно распляясь
и так же двигаясь к нему:

и — скоро — бабочки яркие
как на ресницах кровь

1965

[Там же: 119].

---

10 Гимры — дагестанский аул, родина Гази-Магомед и имама Шамиля. Гази-Магомед был убит во время штурма аула русскими войсками. Первоначально он похоронен

Французский славист и переводчик, «айгист № 1» Леон Робель писал в своей книге — первой монографии, посвященной жизни и творчеству Геннадия Айги:

В статье, названной «Места-голоса Айги», Клод Мушар очень красивой и верной формулой обозначил тот факт, что в свойственной Айги поэтике голосу нужно проникнуть в обозначаемые им пейзажи и местности, чтобы, преобразившись, стать «голосом-местом».

К *местам-голосам* детства в поэзии 1960-х прибавились те, что связаны с Дагестаном. В 1961 году, последовав за Андреем Волконским, Айги впервые отправляется в высокогорные долины Кавказа, навещает облепившие заснеженные горные склоны деревушки. Он очарован, семь раз сюда возвращается, проходит пешком все районы Дагестана. Он обрел здесь невероятный покой, почувствовал, как душу охватывают умиротворение и радость. Айги живо интересуется Шамилем, имамом, возглавившим сопротивление русским завоевателям. И изучает ислам. Принимается за большую поэму «Мавлит», которую так и не закончит. Он читает Коран и проникается уважением к этой религии...

Места-голоса Дагестана слышны в «Знаменах Гази-Магомеда» (1965), в «Гимри» (1965), «Белом шиповнике в горах» (1969) и других стихах. Айги всегда будет тосковать по этим мирным и тихим местам [Робель 2003: 60—61].

В книге Леона Робеля можно найти и упоминание о том, что спутником Волконского и Айги в одном (или, может быть, двух) из путешествий по горным дагестанским аулам был режиссер-документалист Виктор Зак¹¹. В других «дагестанских» странствиях сопровождала поэта его вторая жена Н.А. Айги (Алешина)¹².

По просьбе автора этой статьи Наталия Алексеевна рассказала, что была в Дагестане вместе с Геннадием Николаевичем дважды: в 1965 и 1968 годах. Привожу несколько фрагментов из ее неопубликованных воспоминаний:

Ахвах¹³, Цумада,
Бежта, Шодрода,
Балхар, Дженгутай,
Хунзах, Цудахар...

Названия селений в Дагестане звучат как языческий заговор или заумь футуриста Крученых. Как-то по желанию поэта Айги я переписала магический чуваш-

в селении Тарки, но в 1843 году отряд Кебед-Хаджиява Унцукульского по приказу Шамиля захватил Тарки и перенес останки имама под Гимры для перезахоронения. В Гимрах над его могилой был воздвигнут небольшой мавзолей.

- 11 Режиссер-вгиговец и сценарист Виктор Григорьевич Зак, автор ряда документальных фильмов (например, «Песни синей птицы», 1974), был, судя по всему, человеком оригинальным и многосторонним: страстный путешественник, член Географического общества, переводчик Омара Хайяма, а также автор книги «Розовая чайка: Два путешествия на Индигирку. Записки кинорежиссера» (М.: Всесоюз. бюро пропаганды киноискусства, 1982).
- 12 В браке с Г.Н. Айги у нее родились два сына: Андрей (1966 г.р.), коллекционер, музыкант, и Алексей (1971 г.р.) композитор, скрипач, лидер известного музыкального ансамбля «4'33». Н.А. Айги — искусствовед, художник, литератор, автор книги «Богомаз» (М.: Москвоведение, 2013), посвященной другому ее мужу (с Геннадием Николаевичем они развелись еще в 1973-м), известному живописцу Владимиру Владимировичу Маслову (1934—2020). Наталия Алексеевна писала статьи о художниках, тексты песен для кинофильмов; является автором повести-сказки «Про Пятачкова, Копытцева и козу Луизу» (М.: Мир детства, 2019).
- 13 Ахвах — название не села, а района, расположенного в Центральном Дагестане.

ский заговор, и Айги повесил его над дверью. Повторяю вслед за Набоковым: «Память, говори».

В 1965 году я вышла замуж за поэта. Его имя — Геннадий Айги. Мэтром он тогда не звался, а был удивляющим многих поэтом с черными глазами, волнистыми волосами, тоненьким, веселым и ловким.

Он сразу решил, что мы вдвоем отправимся в Дагестан. Этим краем он был очарован и уже ездил туда с другом композитором, Андреем Волконским. Они даже купили в горах удивительный пятиугольный дом¹⁴. Выдающийся музыкант Волконский увлекался не только авангардом и старинной музыкой Европы, но также народной классической музыкой Востока, сочинял мутамы. На стихи лакской певицы Щазы написал сюиту для сопрано «Жалобы Щазы». Жалобы, стенания — его поразила ее горемычная жизнь¹⁵.

Еще в 1962-м, в год создания «Жалоб Щазы», Геннадий Айги посвятил Волконскому стихотворение с «говорящим» названием «Заморская птица»:

отсвет невидимый птичьего образа
ранит в тревоге живущего друга

и это никем из людей не колеблемо
словно в системе земли
сила соловья создающая
словно в словах исключение смерти:
сердце — сечение — север

а рядом приход и уход
замечающих перья и когти
знающих гвозди крюки и столбы
не боящихся видеть друг друга

---

14 Ср.: «Мы с Айги вместе купили в Дагестане дом необыкновенной красоты. Там была резная дверь XVIII века, и планировка была необычная: одна большая комната в виде трапеции, а другая — треугольная. Так получилось, что ни Айги, ни я там ни разу не ночевали. Я разрешил какой-то старушке там жить и охранять дом. Она, наверное, скончалась. Не знаю, что стало с этим домом» [Дубинец 2010: 94].

15 В 1962 году Андрей Волконский сочинил «Жалобы Щазы» — четырехчастный вокальный цикл для сопрано, английского рожка, скрипки, ударных и камерного оркестра на слова лакской поэтессы и певицы Щазы (настоящее имя Ахмедова Шаза дочь Мухаммада; 1868—1937) из дагестанского селения Куркли. Щазу называют «классиком лакской литературы». К 150-летию со дня ее рождения был издан сборник «Шаза из Куркли. Долгое эхо» (М.: Первый том, 2018). В книге представлены песни Щазы и их переводы, опубликованные ранее на лакском и русском языках, статьи писателей и литературоведов, посвященные творчеству лакской поэтессы. Е.А. Дубинец пишет, что Волконский узнал о ней из случайно купленной в одном из дагестанских райцентров антологии «Дагестанская народная поэзия» (антология с таким названием нам не известна; возможно, имеется в виду сборник «Дагестанские лирики» (Л.: Советский писатель, 1961)). «Ужасная жизнь» Щазы, по выражению самого Андрея Михайловича, потрясла музыканта. Эту бедную девушку насильовали, она чудом избежала смерти, затем была плакальщицей на похоронах, зарабатывала на жизнь пением на свадьбах (на одной из них случайным выстрелом была убита дочь Щазы — певица прижала к себе мертвую девочку, но не прервала песню), а впоследствии стала известной исполнительницей песен и поэтессой. Для Волконского она явилась «символом дагестанской женской судьбы».

и надо на улице утром на шею принять
холод от стен и сугробов
и тайная фраза синичья
диктует сердечную славу всему

слава белому цветку — присутствию бога
в его тайнике для сомнений
слава бедной столице и светлomu нищенству века

снегам — рассекающим — сутью бесцветья
бога — лицо

светлomu — ангелу — страха
цвета — лица — серебра

[Айги 2009: 68].

Другое стихотворное посвящение Волконскому под названием «Место: пивной бар» появилось спустя три года:

А. В.

ты пьющий — значит: спящий! —

в себе — как в матерьяле сна:
в горячности своей: ты — спящий сном в т о р ы м :

(а их — мы знаем — три
последний будет — т р е т ь и й):

ты спящий сном — пока что: избранным! —

как он глубок! он даже там — где место есть: без памяти! —

и — как он длится!
как слоист и темен! —

о этот ветер! — от мира укрывающий:

на время — как заброшенных детей

1965

[Там же: 144].

Как пишет Робель в своей книге, Айги «в 1963—1972 годах совершает еще шесть путешествий по этому краю (часть из них — вместе с А. Волконским)» [Робель 2003: 200]. «С Айги они всегда путешествовали аскетами, предпочитая суровый Дагестан даже радушной Грузии» (Н.А. Айги, рукопись).

О своем знакомстве с композитором, клавесинистом, органистом, основателем и руководителем ансамбля старинной музыки «Мадригал» (с 1965 года; ансамбль исполнял произведения западноевропейских Возрождения и Средних веков, а также византийскую, южнославянскую и русскую музыку — вплоть до духовных концертов XVIII века) Геннадий Айги говорит в интервью «Российской музыкальной газете»:

С Андреем я познакомился в 1956 году. Мы втроем очень близко дружили: Андрей, я и его будущая жена Галина Арбузова-Паустовская. Помню, однажды у Паустовских мы с Галей беседовали о чем-то очень серьезном, о судьбе... и тут пришел Андрей. Неуклюжий, теряющийся без очков (у него сильная близорукость) человек с каким-то кьеркегоровско-андерсоновским взглядом...

Моим первым впечатлением о Волконском было восхищение им как человеком необычайно высокой культуры. В связи с ним слово «утонченный» кажется самым верным определением. <...>

...все мы чувствовали потребность в том, чтобы над нами возвышался некий абсолютный вкус — «абсолют» в кантианском выражении. Такой личности в нашем кругу не было (быть может, по таланту были, но по универсальности — нет) до появления Волконского. Его скальпельный ум сочетался с очень глубоким чувством человечности и высокой одухотворенностью. Он нас просто, так сказать, чистил. Помню, мне было достаточно, чтоб он сказал: «Это слово мне не нравится» для того, чтобы переделывать то или иное место в моих стихах. Он поражал всех прямоотой и честностью в искусстве, а также необыкновенным артистизмом [Айги, Адаменко 1989: 10–11].

О том, какое значение для него самого и его близких друзей — Игоря Вулоха, Владимира Яковлева, Анатолия Зверева, Игоря Ворошилова — и других художников имел Волконский — европейски образованный, прекрасно разбирающийся не только в музыке, но и в живописи и литературе, знакомящий Айги и его окружение с новейшими достижениями западного искусства — он писал неоднократно [Айги 2001: 275; Айги, Яковлев 2004: 68].

Андрей Михайлович очень ценил Айги и дорожил своей дружбой с поэтом. В книге, вышедшей через два года после его смерти и состоящей из записей бесед с ним в его доме в Экс-ан-Провансе на юге Франции (композитор, родившийся в Женеве в 1933 году и перебравшийся затем вместе с родителями в СССР в 1947-м, вернулся в Европу в 1973 году и жил в основном во Франции) вспоминал:

В молодости я очень увлекался Хлебниковым, он был мой кумир...

Я лично знал Крученых; познакомился с ним, а также с Митуричем¹⁶, в связи с Хлебниковым. Мне было шестнадцать лет, и я тогда хотел найти все следы Хлебникова. Второй раз я встретился с Крученых уже во второй половине 50-х годов. Он — замечательный поэт. <...>

Но главный мой друг был, конечно, Айги. Мы с ним были очень близки, дружили, даже путешествовали вместе. Он все время у меня бывал (цит. по: [Дубинец 2010: 87]).

В последнюю по времени книгу «Узелки времени», «сборник трудов Волконского и о Волконском», включены и посвященные ему стихотворения Айги, а в мемуарном очерке искусствоведа Е.Б. Муриной о Волконском есть фрагмент о взаимоотношениях Андрея Михайловича и его давнего друга:

Андрей... рассказал мне... о встрече с Айги, когда тот наконец приехал во Францию. Ради него он даже поехал в ненавистный Париж, где они провели вместе не-

16 Очевидно, имеется в виду не художник Петр Васильевич Митурич (1887–1956), друг и душеприказчик Велимира Хлебникова, а его сын Май Петрович Митурич-Хлебников (1925–2008; его матерью была художница Вера Владимировна Хлебникова (1891–1941), родная сестра Велимира), внучатый племянник поэта.

сколько дней. Со слезами на глазах вспомнил, как они стояли на мосту Св. Людовика и, обнявшись, плакали, глядя на текущую внизу Сену. Сколько лет они мечтали о такой встрече в Париже, и сколько всего случилось в их непростых жизненных обстоятельствах за прошедшие годы... Андрей для Айги с самого начала их знакомства в начале 1950-х годов¹⁷ был олицетворением Франции и ее культуры... Айги был ему дорог как — в каком-то смысле — его создание. Этот чувашский самородок, очень глубоко укорененный в своей родной земле, по совету Пастернака писавший стихи по-русски, сумел придать своей поэзии, благодаря влиянию Волконского, какую-то огранку французской утонченности. Таков, как мне кажется, стилистический синтез Айги, совершенно уникального поэта XX века [Узелки времени... 2022: 339].

Совсем недавно — и почти случайно — я узнал о том, что было новостью... во семь лет назад. 21 августа 2016 года, в день рождения Геннадия Николаевича, Зал Айги Национальной библиотеки Чувашской Республики получил в дар от Г.Ф. Юмарта (1938—2020), известного чувашского писателя, переводчика, фольклориста, лауреата ряда литературных премий, — дагестанский кувшин, на нижней части которого имеются несколько поэтических строк на чувашском языке, нанесенных черной тушью. История появления этого кувшина довольно необычна, и она имеет непосредственное отношение к дагестанским путешествиям поэта.

В 1972 году Айги вернулся из очередной поездки в Дагестан (по всей видимости, последней). В этот раз он был в Акушинском районе и посетил село Балхар, «знаменитое на весь мир своей керамикой», как о нем обычно пишут. Балхарский «керамический неглазурованный» кувшин, украшенный «традиционной простой белой тонкой росписью (волнистые и прямые линии, штриховка, точки, розетки, спирали и т.п.)», он привез для своего друга Геннадия Федоровича. Вернувшись в Москву, Айги написал на кувшинчике стихотворное посвящение Юмарту — «от лица кувшина». А когда он доехал до Чебоксар, вручил Геннадию Федоровичу свой подарок.

Вот этот текст, начертанный на кувшине:

Эп — пурнăс япали. Эп — вилёмён тупри.
Ман хёрлĕ тăмăмра — аслаçăрсен тăпри!
Чăвашăн сĕрĕнче юласчĕ, аркансан,
Сас-чÿсĕр салам пек! Эп — хамър Пăлхартан.

•

Пăлхар ялĕ, Тусăртстан

1972, авăн¹⁸

Помещаю здесь перевод, который я сделал по подстрочнику Н.А. Сельверстовой, заведующей Музеем чувашской вышивки:

17 Их знакомство, по свидетельству самого поэта, случилось в 1956 году.

18 Свой подстрочный перевод Надежда Сельверстова сопроводила небольшим комментарием: «У Айги вместо *Балхар* — *Пăлхар*, слово, намекающее на родство, отсылающее к Волжской Булгарии. В последней строке “...из нашего Булгара” та же семантика. При переводе на русский язык созвучие “палхар-пăлхар” теряется. Дагестан он называет на чувашском “страной гор и холмов” — Тусăртстан».

Я — вместилище жизни. Я — смерти сосуд.
В моей красной глине — ваших пращуров труд.
Когда я разобьюсь, то в болгарской земле
Останусь навек, — не исчезну во мгле!..

Село Балхар, Дагестан

1972, сентябрь

Библиография / References

- [Айги 1982] — *Айги Г.* Отмеченная зима: Собрание стихотворений в двух частях / Изд. подгот. В.К. Лосская; предисл. П. Эмманюэля. Париж: Синтаксис, 1982.
(*Aygi G.* Otmечennaya zima: Sbranie stikhotvoreniy v dvukh chastyakh / Prep. by V.K. Losskaya; introd. by P. Emmanuel'. Paris, 1982.)
- [Айги, Адаменко 1989] — *Айги Г., Адаменко В.* Судьба Андрея Волконского // Российская музыкальная газета. 1989. № 6. С. 10—11.
(*Aygi G., Adamenko V.* Sud'ba Andreya Volkonskogo // Rossiyskaya muzykal'naya gazeta. 1989. No. 6. P. 10—11.)
- [Айги 1998] — *Айги Г.* Слово-ворона: Стихотворения разных лет: В 3 кн. / Рис. Н. Дронникова. Кн. 2. Париж: [Дронников-Коновалов], 1998.
(*Aygi G.* Slovo-vorona: Stikhotvoreniya raznykh let: In 3 bks. / Ill. by N. Dronnikov. Bk. 2. Paris, 1998.)
- [Айги 2001] — *Айги Г.Н.* О назначении поэта (Разговор с Галиной Гордеевой) // Айги Г.Н. Разговор на расстоянии: Статьи, беседы, стихи / Сост. Г. Айги, А. Мирзаев. СПб.: Лимбус Пресс, 2001. С. 260—279.
(*Aygi G.N.* O naznachenii poeta (Razgovor s Galinou Gordeevoy) // Aygi G.N. Razgovor na rasstoynanii: Stat'i, besedy, stikhi / Comp. by G. Aygi, A. Mirzaev. Saint Petersburg, 2001. P. 260—279.)
- [Айхи 2008] — *Айхи Г.Н.* Сырнисен пуххи: В 4 т. Т. 1: [Сăвъсемпе поэмăсем, куçарусем] / Г. Айхи; Н.А. Сельверстова, Е.Н. Лисина пухса хатёрл. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2008.
(*Aygi G.N.* Sbranie sochineniy: In 4 vols. Vol. 1. Shupashkar, 2008.)
- [Айги 2009] — *Айги Г.Н.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2 / Сост. Г.Б. Айги. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2009.
(*Aygi G.N.* Sbranie sochineniy: In 4 vols. Vol. 2 / Comp. by G.B. Aygi. Cheboksary, 2009.)
- [Айги, Яковлев 2004] — *Айги Г., Яковлев В.* Дружба, творчество, сотворчество. Произведения художника Владимира Яковлева из собрания Геннадия Айги. М.: Виртуальная галерея, 2004.
(*Aygi G., Yakovlev V.* Druzhba, tvorchestvo, sotvorchestvo. Proizvedeniya khudozhnika Vladimira Yakovleva iz sobraniya Gennadiya Aygi. Moscow, 2004.)
- [Грюбель 1998] — *Грюбель Р.* Молчание о листопаде — новый псалом. Несколько слов об аксиологии литературы и о поэзии Айги // Айги: материалы, исследования, эссе: В 2 т. / Сост. Н. Азарова, Ю. Орлицкий, Д. Дерепя. Т. 2. М.: Вест-Консалтинг, 2006. С. 30—41.
(*Grübel R.* Molchanie o listopade — novyy psalom. Neskol'ko slov ob aksiologii literatury i o poezii Aygi // Aygi: materialy, issledovaniya, esse: In 2 vols. / Comp. by Yu. Orlitskiy, N. Azarova, D. Derepa. Vol. 2. Moscow, 2006. P. 30—41.)
- [Дубинец 2010] — *Дубинец Е.А.* Князь Андрей Волконский. Партитура жизни. М.: РИПОЛ классик, 2010.
(*Dubinets E.A.* Knyaz' Andrey Volkonskiy. Partitura zhizni. Moscow, 2010.)
- [Робель 2003] — *Робель Л.* Айги / Пер. с фр. О. Северской. М.: Аграф, 2003.
(*Robel L.* Aïgui. Moscow, 2003. — In Russ.)
- [Узелки времени... 2022] — Узелки времени. Эпоха Андрея Волконского: воспоминания, письма, исследования. СПб.: Jagomir Hladik press, 2022.
(*Uzelki vremeni.* Epokha Andreya Volkonskogo. Saint Petersburg, 2022.)